

Гилдерой Локхарт не стал повторять заезженный сценарий из памяти Гарри. Напротив, он почти полностью сбросил маску идиота. На уроках защиты от тёмных искусств больше не было ни хаоса с корнуоллскими пикси, ни глупых постановок, где студентов вытаскивали на сцену ради самолюбования профессора. Никто из отбывающих взыскания больше не подписывал фанатские письма. Если в прошлом году студенты запомнили только стойкий запах чеснока от Квиррелла, то в этом Локхарт заставил их по-настоящему понять, что же такое защита от тёмных искусств.

Поначалу занятий ждали только девочки, в то время как мальчики не испытывали ни капли симпатии к «кумиру публики», покорявшему женские сердца сияющей улыбкой. Однако вскоре они обнаружили, что Локхарт вовсе не бесполезен. Первый урок у младших курсов действительно был посвящен пикси, но он потратил половину времени на теорию: он разбирал их повадки, среду обитания и заклинания, способные их обуздать. Геллерт Гриндевальд, выступавший в роли ассистента, с удивлением отметил, что этот золотоволосый юноша — истинный выпускник Рэйвенкло. Он излагал информацию простым и доступным языком, ни разу не заглянув в конспекты. И когда студенты освоили нужные чары, пикси перестали быть для них проблемой.

На старших курсах Локхарт обучал более сложным защитным и атакующим заклинаниям, а в паре с Гриндевальдом подталкивал учеников к изучению самой структуры магии. Перед экзаменами С. О. В. и П. А. У. К. он делился личным опытом, классифицировал типы заданий и раздавал огромные списки вопросов прошлых лет для самостоятельной подготовки. Тот стремительно превращался в настоящего профессора, завоевывая уважение всей школы.

Впрочем, те, кто жил летом в Старом особняке Блэков и знал о его чувствах к Римусу, быстро поняли: кожа у Локхарта толще, чем стены Хогвартса. Драко даже шутил, что если пустить лицо Локхарта на укрепления, за безопасность замка можно не беспокоиться.

Каждое утро Гилдерой появлялся за преподавательским столом с розой сорта «Шампань». Игнорируя любопытные взгляды коллег и учеников, он подносил цветок Римусу. Люпин же с неизменной улыбкой убирал розу в герметичный контейнер для ингредиентов, благодаря профессору Локхарта за «поддержку курса зельеварения». Блейз Забини, со своим вечно сонным видом, просветил всех, что на языке цветов «Шампань» означает «любить тебя — величайшее счастье, а быть вместе — моя гордость». Стоило этой информации разнестись по слизеринскому столу, как от аристократической сдержанности не осталось и следа. Девочки восторженно вздыхали, называя Локхарта романтиком, а мальчики бросали на Римуса сочувственные взгляды.

Стоило урокам закончиться, Локхарт возникал рядом с Римусом, игнорируя ледяную ауру Северуса. Он окружал Люпина заботой, словно тот не из класса вышел, а только что вернулся из смертельно опасной экспедиции. Римус же невозмутимо обходил его стороной, даже не взглянув, и направлялся в свой кабинет. Если Люпин заступал в ночной патруль, Локхарт тут же материализовывался с поздним ужином и превращался в верного рыцаря-хранителя. Даже смертоносный взгляд «Короля змей» не мог его прогнать. По выходным, когда Римус обычно пропадал в лаборатории Снейпа, тот являлся без приглашения, принося изысканные сладости и редкие ингредиенты. Северус, смирившись ради пополнения запасов, не выставлял его за дверь, а Римус без тени стеснения заставлял Гилдероя нарезать коренья для занятий.

Влюбленные в Локхарта студентки превратились в его добровольную свиту. Профессор умело манипулировал ими, бросая полные печали и любви взгляды. Римус постоянно наткнулся на девочек с блокнотами, которые следили за ним из-за углов со странными ухмылками. На уроках зельеварения они, отбросив страх перед Снейпом, открыто заявляли Люпину, что «сердце профессора Локхарта принадлежит только ему». Их деятельностью руководила поразительная энергия: они организовали настоящую слежку за Римусом, чтобы Локхарт знал о каждом его шаге и возможных конкурентах. Они даже засыпали Гарри вопросами о вкусах Люпина, зная об их близких отношениях.

Драко считал, что Локхарт превратился в бесплатную рабочую силу и поставщика сырья для крестного, а значит, в этой осаде больше всех выиграл именно Северус. Гермиона и Панси находили методы Гилдероя романтичными, но не спешили переходить в его лагерь. Юные «королевы» считали, что любовь, доставшаяся слишком легко, быстро обесценивается. Блейз же внимательно наблюдал за реакцией Рона на подобные ухаживания — видимо, прикидывал тактику на будущее. Увы, Рон считал, что такие нежности лишь оскорбляют мужское достоинство Люпина. Один лишь Невилл извлек из ситуации чистую выгоду: он засыпал профессора вопросами о редких растениях, получая знания, пока Локхарт использовал это как повод лишний раз заглянуть в кабинет.

Гарри казалось, что ухаживания Локхарта стали лучшим развлечением в скучном школьном быту. Он не раз замечал, как преподавательницы с ехидными улыбками наблюдают за очередным фиаско Гилдероя. Даже Дамблдор и Гриндевальд с видом «ах, молодость, прекрасная пора» добродушно посмеивались, видя, как Люпин в очередной раз игнорирует обожателя. Профессор Макгонагалл, составляя график патрулей, и вовсе поставила их в пару. Её аргумент — «волосы Локхарта сияют так ярко, что мистер Люпин точно не споткнется в темноте» — заставил Гарри лишиться дара речи. Только Гилдерой мог встретить столь натянутое оправдание с восторгом.

Гарри ждал от Римуса ответного удара, но, кроме вечно проигрывающих близнецов Уизли, Локхарт не пострадал ни от одного розыгрыша. Разочарованный, он даже всерьез раздумывал, не подсказать ли Фреду и Джорджу пару идей, чтобы усложнить профессору путь к сердцу Люпина.

Помимо этих амурных дел, Гарри весь месяц присматривал за Гриндевальдом. Он заметил, что директор стал есть куда меньше сладкого — Геллерт неусыпно следил за Альбусом, и тот, к всеобщему удивлению, покорно соглашался. Профессор Макгонагалл и мадам Помфри не могли нарадоваться: наконец-то нашелся кто-то, способный обуздать страсть старика к лимонным долькам. Северус тоже был доволен — ему больше не приходилось варить Бодрящие настойки и Зелье для здоровья зубов в промышленных масштабах. В роли ассистента Гриндевальд, конечно, был слишком велик для такой должности, но он никогда не принижал Локхарта и проявлял к студентам бесконечное терпение.

Гарри часто видел, как Дамблдор и Гриндевальд гуляют по берегу Черного озера. Атмосфера вокруг них была настолько теплой и мирной, что невольно хотелось, чтобы этот покой длился вечно.

Основатели, портреты и привидения продолжали следить за тайными ходами. Если Питер или

Лестрейнджи решатся на проникновение, замок узнает об этом мгновенно. Школа жила в атмосфере праздника, мало заботясь о беглых Пожирателях и дементорах за стенами. Гарри чувствовал, как его бдительность притупляется под этим гнетом благополучия. Каждый раз, видя парящие в отдалении темные фигуры дементоров, он винил себя за слабость. Но такова человеческая натура — мы до последнего цепляемся за призрак покоя, пока опасность не схватит нас за горло.

Получив записку от директора через Фоукса, Гарри прервал обсуждение новостей с Драко. Люциус сообщил, что Беллатриса всё-таки пробралась в Гринготтс. Она использовала Обратное зелье и вошла туда с поднятой головой. Гоблин, сопровождавший её в хранилище, попал под Имperiус и Круциатус — он пролежал в коме неделю. Когда банк обнаружил взлом сейфа Лестрейнджей, большая часть содержимого уже исчезла. Гоблины были в ярости; их гордость была уязвлена, и они поклялись, что Пожиратели заплатят сполна.

— Директор, мистер Гриндевальд, добрый день, — поздоровался Гарри, входя в кабинет. Присутствие Геллерта его ничуть не удивило.

— Гарри, что ты думаешь о проникновении Беллатрисы в банк?

— Волдеморт, скорее всего, решил проверить все тайники с крестражами, — Гарри на мгновение замолчал, прикидывая худший вариант. — Боюсь, кроме Старого особняка Блэков и поместья Малфоев, остальные места под угрозой. А Хогвартс... Его основная часть души провела здесь целый год, он наверняка знает о судьбе диадемы. Меня пугает другое: не решит ли он создать новый крестраж? После того удара, что мы нанесли, любой здравомыслящий человек не стал бы снова рвать душу, но у Тома нет разума. Мы не можем предсказать логику безумца.

Гарри перевел дух и продолжил:

— Взлом сейфа — отличный шанс. Гоблины расценили это как личное оскорбление. Мы могли бы привлечь их на свою сторону. Их магия и мастерство бесценны, несмотря на их жадность. Если они решат кому-то мстить, объекту мести не позавидуешь. К тому же война — это прежде всего деньги. Если мы не наладим отношения с банком сейчас, потом будет поздно. Честно говоря, я по горло сыт бедностью и не хочу снова считать каждый нат.

Дамблдор одобрительно кивнул, а Гриндевальд с любопытством воззрился на юношу, в котором все видели преемника Альбуса.

— Я могу позволить гоблинам официально выйти на финансовый рынок Европы, — после недолгого молчания произнес Гриндевальд. — Раньше мои Аколиты мешали им, поэтому их бизнес за пределами Британии шел туго. Десятилетиями они мечтали о расширении, и это условие заставит их пойти на контакт. — Он бросил сложный взгляд на Альбуса. — Кроме того, мои люди следят за Пожирателями. Все сторонники Тома, пытавшиеся сунуться в Германию за

эти годы, были нейтрализованы. В Британии у меня не так много сторонников, но о любых крупных перемещениях я узнаю первым.

— Геллерт... — Дамблдор запнулся. В его душе воцарился сумбур. Он полагал, что Аколиты Гриндевальда действуют лишь ради его старых идеалов завоевания, а оказалось, что они всё это время были щитом против Пожирателей. Выходит, Геллерт помогал ему тайно все эти годы?

Гарри впервые видел Дамблдора таким: растерянным, горьким и бесконечно тронутым. Только рядом с Гриндевальдом «величайший белый маг» сбрасывал мантию лидера и становился обычным человеком. Юноша не мешал им, терпеливо ожидая, пока эмоции улягутся.

— Все проходы в замок под надзором, — наконец заговорил Дамблдор, взяв себя в руки. — Даже если Питер знает их как свои пять пальцев, незамеченным он не пройдет. Но ты, Гарри, будь осторожен. Гоблины — это вопрос будущего, сейчас нам нужно лишь закинуть удочку. Что до Тома и новых крестражей... будем готовиться к худшему. Нужно схватить Питера и остальных раньше министерства. И еще — скоро Квиддич. Я распорядился начать обучение Патронусу, Локхарт обещал выделить на это часы. Мистер Филч уже подготовил боггартов. Надеюсь, детям хватит благоразумия не дразнить дементоров за оградой.

— Мы с Драко не в команде, — с кривой усмешкой заметил Гарри. — Капитан Слизерина очень старался нас заполучить, за что и получил от декана столько взысканий, что скоро начнет светиться в темноте. Но на матчах мы будем — на всякий случай.

Гарри невольно вспомнил бледное, измученное лицо Маркуса Флинта и вздохнул.

— Думаю, Локхарт с радостью предоставит студентам полигон для тренировок Патронуса. Это хотя бы отвлечет их от созерцания дементоров.

— Отличная мысль. Теперь я окончательно убедился, что ты, как и Альбус, — «неправильный» лев. Хитёр, как старый лис, — Гриндевальд усмехнулся, переводя взгляд с Дамблдора на Гарри. — Но мне всё же любопытно: как ты понял, что мой подчиненный — Аколит?

— О, всё просто. У того джентльмена ужасный акцент. Немецкие интонации в английском слишком заметны, если знать, что искать. По его манерам было ясно, что он не простой клерк, а аристократ. Грация и этикет не вязались с должностью в лавке. Я лишь немного проверил свою теорию. Надеюсь, вы не в обиде.

— Ради Альбуса — прощаю, — Геллерт решил, что его людям не помешает лишняя тренировка, раз их раскусил мальчишка. — Ты ведь совсем не удивился моему появлению здесь, верно, мистер Спаситель?

— Верно. Вы оказались решительнее, чем я думал. Но ваш приход — это благо для всех. Преподаватели счастливы, что кто-то наконец занялся диетой директора. Так что я не против,

если вы будете называть меня по имени. В конце концов, у нас общая цель. — Гарри ответил вежливой слизеринской улыбкой, внутренне чертыхаясь. Ему совсем не хотелось вести эти двусмысленные беседы под выжидающим взглядом Дамблдора.

— Разумеется, Гарри. Я буду рад нашему сотрудничеству, — Гриндевальд выглядел довольным. План по привлечению будущего лидера Ордена шел как по маслу.

— Геллерт, мне кажется, вы что-то от меня скрываете? — вмешался Дамблдор. Его не покидало чувство, что его только что обвели вокруг пальца. Гарри и Геллерт напоминали двух лисов — старого и молодого, — спевшихся за его спиной.

— Ободришь, Альбус, ничего плохого. Узнаешь всё в свое время. А теперь, Гарри, полагаю, тебе пора заняться уроками?

Гарри молча поднялся. «Ну конечно, — думал он по пути в подземелья, — твоя цель — затащить директора в Нурменгард или под венец, тут и гадать нечего. Ишь, как быстро выставил меня, стоит только заговорить о личном».

В кабинете же Дамблдор пытался выведать правду, но Геллерт мастерски уходил от темы. Старый директор вздохнул. Ощущение того, что тебя разыгрывают собственный ученик и единственный любимый человек, было странным. «Что ж, — решил он, — пойду лучше посмотрю, как Локхарт осаждаёт Римуса. Это хотя бы не требует такой работы мозга».

Маркус Флинт окончательно сдался. Бесконечные отработки у Снейпа превратили его в тень. Каждый раз, встречая Гарри и Драко в гостиной, он смотрел на них так скорбно, что у тех мороз шел по коже. Чтобы хоть как-то загладить вину, они согласились быть загонщиками на тренировках. Однако после того, как Гарри показал скорость мирового уровня, а Драко — филигранную технику полета, тоска капитана стала почти осязаемой. В порыве меланхолии он устроил нагрузки остальной команде. Бедные игроки теперь провожали их такими же загробными взглядами.

В Гриффиндоре же царил иной дух. Оливер Вуд, снедаемый фанатизмом, ежедневно провоцировал Фланта в Большом зале. Весь Хогвартс привык к их ритуалу: «смертоносный взгляд — обмен любезностями — хватание за палочки — разнимание сокомандниками». За их спинами игроки обоих факультетов, измотанные тренировками, уже давно заключили негласный союз. Сочувственные взгляды львов и змей встречались поверх голов капитанов.

Рон и Блейз тоже попали в сборные, из-за чего им пришлось сократить часы в Выручай-комнате. Пока их лидеры препирались, они обменивались зашифрованными гримасами. Невилл называл это «языком жестов», Гермиона — «скрытой симпатией», а Панси лишь театрально вздыхала. Гарри даже заключил пари с Драко на то, кто признается первым. Тот ставил на Блейза, веря в слизеринский напор и считая тугодумие Рона феноменальным. Он же верил в близнецов Уизли: Фред и Джордж ради шутки точно подтолкнут брата к решительному

шагу.

Панси и Невилл открыли тотализатор на Слизерине и Хаффлпаффе, а Гермиона подключила Рэйвенкло. Близнецы, узнав об этом, без зазрения совести поставили на Блейза и подбили на это весь Гриффиндор. Он лишь стенал о «предательстве друзей», но Драко настоял, чтобы Гарри поставил на свою победу. Только Рон оставался в блаженном неведении, продолжая переглядываться с тем в Большом зале и вместе с ним жаловаться на капитанов-демонов в Выручай-комнате.

Гарри опасался, что Джинни Уизли начнет преследовать его, но девочка оказалась поглощена драмой Локхарта и Люпина. Пользуясь дружбой семьи с Римусом, она стала «связной» для влюбленных фанатов, помогая им скрываться после слежки и замолвливая словечко за Гилдероя. Узнав же о «тайном романе» брата, она лишь горестно вздохнула над его недогадливостью и начала подсовывать Рону любовные романы. Видя, как Рон под угрозой сестринского гнева листает эти книжки, Драко окончательно признал: против рыжих Уизли магия бессильна.

В Хогвартсе было весело. Гарри и его друзья наслаждались жизнью, и лишь несчастные игроки в Квиддич выбивались из сил. На фоне этого всеобщего оживления начался первый тур чемпионата.

<http://bllate.org/book/17565/1704974>